

«ДЖАЗОВЫЙ ТЕПЛОХОДИК» РЕДАКТОРА СКВОРЦОВА

Надвигается судный день. Как угорелое, носится суденышко «Невский альманах», которое борзо и бестолково бороздит поэтические и прозаические воды как литературного, так и реального Петербурга-города. Редактору Скворцову, конечно, не нравится определение «бестолково», поскольку его цель не только найти какую-то щель (мокрую, сухую) или нишу в мире петербургской словесности, а еще как бы на равных потолкаться с большими литературными кораблями-журналами, заявить о себе по полной, но даже суденышком-толкачом не удастся побыть, большие корабли насмешливо встают в кильватер, то есть сзади вталкивают и втолковывают ему вполне ощутимо.

У кораблика «Невский альманах» округлая и верткая корма. Благодаря ней, журнальчик неплохо кормится. Теплоходик суетливый и визгливый. Он, скорее, не литературный, а джазовый. На палубу выдвигаются (кто косолапо, кто подтянуто, кто трезвой, кто бухонькой) рифмачи-трубачи в полосато-матрасных концертных костюмах и подозрительно задорно играют на тромбонах, саксофонах, рожках. Придуриваются, насмешливо наставляют друг другу любовно-романтические рожки на головы, не обремененные настоящим писательским опытом и умом. Шуты, клоуны, одним словом. Палуба быстро заполняется, акробатами, жонглерами, всякими Пьеро и Мальвинами, и кораблик лихо превращается в шапито, в цирк на водах.

Амбициозному Скворцову требуется немедленный успех, и поэтому он идет на любые трюки, подмены, ухищрения. И тогда после нескольких часов цирковой оргии, объявляется антракт, во время которого из кают-компании на авансцену, находящуюся в носовой части, с важным видом выкатывают рояль и вместо упорного джаза подложно звучит классическая музыка. В таких случаях обманутыми оказываются и крупные писатели, полагая, что их приглашают не на джазовый, а на легендарный «философский пароход». Увы, при всем желании не получится драматического и даже показательного трагического рейса в европейскую эмиграцию, а состоится всего лишь увеселительная прогулка даже не по морю, а по реке и даже не по схеме «качка-морячка».

Теплоходик весь обглаженный и обгаженный. Гламурный, где крутят ля мур и «Мурку». Гальян и кальян-каюту убирает техничка по имени Гульян. Бедная женщина, ей приходится ежедневно мешками выносить использованную в туалете бумагу, так как написанное «некоторыми авторами» в большинстве случаев годится лишь на подтирку.

На кораблике собрались литераторы, которые пьют литрами, а

потом делают функциональное «пи-2» за борт, в сторону величественных зданий, стоящих на берегах Невы, при этом портят воду, рыбу и настроение зядлому рыболову-поэту В. Морозову. Однажды так достанут его, удыщего с гранита, что прямо летом заморозит реку, льды раздавят «Невский альманах», и наступит зима, как помнится, в слащаво-музыкальном «Ласковом мае». Морозов до поры-времени толерантно относится к ядовитым сбросам с теплоходика, а вот многие зрители, с омерзением поглядев на «пишущих за борт» литераторов, нередко бросают с мостов на палубу пустые и полупустые бутылки. Тогда Скворцов надевает матросский бушлат и с матом выбегает из рубки и начинает яростно махать кулаком, угрожая якобы непросвещенным, полуграмотным обидчикам. Редактору-красавчику явно не нравится выступать в таком карикатурном амплуа. Приняв ампулу или капсулу успокоительного, старается побыстрее вернуться в позитивное расположение духа.

И вот он уже распеваётся, растанцовывается. Вованчик-капитанчик. Стиль его жизни – танчик. Ему бы подошел больше псевдоним Танцоров или Певцов. Он любит надеть фрак, произвести фрахт (оплату теплохода), устраивать на его палубе конкурсы шансона или фестивали неаполитанской песни, в которых сам принимает участие в модной шляпе и с безвкусно разукрашенной гитарой в руках. Да, ему больше нравится быть вокалистом из Неаполя, а не с...поля, хотя в поэзии часто позиционирует себя деревенским поэтом.

Он и литераторы-матросы с его суденышка-журнала «Невский альманах» еще те артисты. Да это словно больница Скворцова-Степанова на выезде или на гастролях. Авторы иногда выпускают на петербургские Книжные аллеи, чтобы малость подефилировали и подекламировали. Порой к ним порочной парой присоединяются ряженный адмирал Раевский и постоянный участник шоу «Давай поженимся» и «Поле чудес» поэт в чужой генеральской форме, седовласый и беззубый Дюша Торгашин. Возвратившись с Аллеей на «Альманах» или на посудину, за которую не в каждом приемном пункте тары дадут рубль, возобновляют коллективное творчество. Пишут по воде, по Неве вилами. Это их любимое занятие, хобби, словно хоботы в реке мочат. Хотя со слонами и с хоботами я, возможно, перегнул по типу «ну, через борт баранки гну». Вообще-то на инициативу с вилами петербургские власти этим летом посмотрели косо, вдруг скворцовские писаксы закрестьянствуют, запротестуют и, выдернув вилы из воды и подняв их над собою, ринутся в капиталистический город? Но псевдокрестьянскому коммерц-стихотворцу Скворцову не нужны коммунистические лавры своего тезки Ленина и в один прекрасный день он объявил по альманаху приказ для своего боцмана Самуила: вынести вилы с теплохода и перевезти на телеге в бывший музей Революции или политической истории России.

Тем не менее «Невский альманах» держится на плаву уже много лет. Этот несносный теплоходик не сносит ни течение реки, ни течение времени. Подозрительно раскрашенный в самые радужные цвета кораблик движется на «твердячем» пару. Таких начинающих и даже профи-писателей, которые хотят постоянно выпускать из себя стихотворный напор и угар, немало, и капитан Вован их охотно отправляет в коچهгарку при машинном отсеке.

Творческая работа на дворянско-крестьянском судне кипит постоянно. Там сочиняют, поют и орут, на нем через рупор и мегафоны выкрикивают страшные проклятия в адрес руководителей петербургского отделения СП России. На палубе маклюют и малюют. Чтобы прослыть ценителями настоящего искусства, вдоль бортов лицами к набережным выставлены, но аляповато и безвкусно, широкоформатные портреты деятелей артистического и поэтического миров, в частности, молодой Максаковой и бессмертного Пушкина, к которым, хм, «гавроши» и молоденькие «скворчики» главного редактора прикалываются, приклеили ценники за оказание определенных услуг, в основном за 1100 рублей. Кто-то из юных проказников неумоимо прищипливал подобные ценники и к костюму живого Вована, и шеф при обнаруживании их впадал в неподдающуюся редактированию истерику. А возможно, ему в тайне и нравилось расхаживать по палубе с таким эротическим прејскурантиком на спине.

Голь на выдумки хитра. Постоянно над «Невским альманахом» в качестве красочных обложек поднимаются фотопаруса, то есть снимки в размер парусов (4х6м), на которых изображены те или иные, иногда не дутые, звезды петербургской литературы.

Да, теплоход движется и под парами, и под парусами. Работает многовариантно. На пристанях оказывает платные услуги и по ценнику в 1100рублей, и по обучению азам стихосложения на примере «Луки Звездищева», и по фотографированию с двойниками звезд шоу-бизнеса, таких как Лара Долина или Стас Михайлов. Но если заплатить в баксах, то найдется и блондин Н. Басков. В погоне за деньгами Скворцов ни перед чем ни останавливается, нанятые спецы могут снять любого желающего хоть в порнофильме, хоть в орнитологической ленте, где можешь летать и заливаться скворцом или соловьем, или устрашающе каркать. Скворец хотел бы увидеть на своем теплоходике и прирученного орла, но это не реально.

Предприимчивого Скворцова не остановить, хотя у него и соответственно у его теплохода имеются любимые остановки в акватории Невы. Например, 1) возле Пушкинского дома, чтобы выйдя на набережную, смотреть, как на фоне памятника Солнцу русской поэзии снимается семейство, и «птичка вылетает» 2) На Фонтанке напротив дома №3, в котором размещается Цирк, взявший шефство над

«Аль-монахом» 3) На той же речке возле памятной фигурки Чижики-Пыжика и далее – уже на Неве – напротив бывших «Крестов», чтобы любовно послушать отрешенное веками слаженное чириканье тюремно-академического воробьиного хора 4) Недалеко от зоопарка и возле Кунсткамеры, чтобы производить энергетические и психотерапевтические заправки для дальнейшего обезьянничанья и всякого рода театрализованных юродств. Так же бросали якорь в виде деятелей с якобы большим писательским и общественным весом (например, Шемшученко) около дворца Меншикова, чтоб подзарядиться ругательствами уже в своей адрес.

Скворцов любит получать импульсы, он не может без подкачки. У него из одного глаза-озера в другой, тоже «озеро», с урчанием и с сумасшедшей скоростью мчится бешенная мотолодка мотивации. «Невский альманах» в некотором смысле даже буревестник, или дуревестник. «А он, мятежный, ищет бурю, как будто в «дурке» есть покой». Он и душит по-черному, по-дымному. Например, на палубе его теплоходика в бочках сжигают портреты некоторых петербургских поэтов патристического направления.

Скворцову нужны просторы: небесные, морские и, на худой конец, речные. Еще школьником в своем родном гнезде, а Вован выпестован в поселке Пестово, мечтал трюкачить в небе, как Чкалов, залетать в арочные конструкции ленинградских мостов, но бог ему, увы, не дал ангельских полномочий и крыльев. Зато наделил коммерческими способностями, вот мужчина и приобрел судно «Альманах», на котором если и не пролетал под мостами, то проносился под ними по воде, взбалтывая ее, как хороший «ерш». Пусть и не стал ни орлом, ни летчиком, но если бы умел держаться в воздухе, то принимал бы участие во всяких птичье-циркаческих соревнованиях, заключая многотысячные пари: пролететь над огнями роstralных колонн и не сгореть, удариться на полной скорости в шпиль Петропавловки и лишь частично деформировать череп и его содержимое.

В голове постоянно звенит и звучит песенный отрывок «На теплоходе музыка играет...». Но теплоход у Скворцова не какой-нибудь провинциальный, а столичный и стиль музыки продвинутый – джаз, который так и провоцирует на многократный повтор убийно-патристического двустушия «Сегодня он играет джаз, а завтра Родину продаст». Можно и переиначить: «Кто обожает диксиленд, тот русофобии агент». Имеется и третий вариант: «Кто часто слушает джаз-банд, тот осужденья фигурант».